

Итоги года: пять ключевых определений Верховного суда

Критерии объективного банкротства и ответственность руководителя, арбитрабельность споров о госзакупках, возможность снижения суммы судебной неустойки — такие дела попадали на рассмотрение Верховного суда в 2018 году. Мы выбрали пять самых интересных из них и попросили судей и практикующих юристов прокомментировать позиции ВС.

Руководитель обязан обратиться в суд только в момент объективного банкротства компании

Определение ВС от 29.03.2018 по делу № А12-18544/2015

Фабула дела. В рамках дела о банкротстве завода его конкурсный кредитор обратился в суд с заявлением о привлечении бывшего руководителя должника к субсидиарной ответственности в размере 1,4 млрд руб. на основании п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве. Кредитор ссылаясь на то, что руководитель своевременно не заявил о несостоятельности должника, несмотря на наличие обстоятельств, перечисленных в п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве.

Позиция нижестоящих судов. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявления, сославшись на неподтвержденность доводов о наличии признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества должника по состоянию на 2013 год.

Апелляционная и кассационная инстанции с ним не согласились и удовлетворили заявление в полном объеме. Суды сочли, что должник отвечал признакам неплатежеспособности по состоянию на 30.09.2013. Следовательно, с этого дня у руководителя возникла обязанность обратиться с заявлением о признании завода банкротом. В результате неисполнения данной обязанности несостоятельный должник принял на себя дополнительные обязательства в ситуации, когда не мог исполнить существующие.

Позиция ВС. ВС исходил из того, что обязанность обратиться в суд с заявлением о банкротстве возникает в момент, когда добросовестный и разумный руководитель в рамках стандартной управленческой практики должен был объективно определить наличие одного из обстоятельств, указанных в п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве (п. 9 постановления Пленума ВС от 21.12.2017 № 53).

Если руководитель докажет, что, несмотря на временные финансовые затруднения (в частности, возникновение признаков неплатежеспособности), добросовестно рассчитывал преодолеть их в разумный срок, приложил максимальные усилия для достижения такого результата, выполняя экономически обоснованный план, то такой руководитель освобождается от субсидиарной ответственности на тот период, пока выполнение его плана было разумным.

Таким образом, момент возникновения обязанности руководителя обратиться в суд с заявлением о банкротстве в каждом конкретном случае определяется моментом осознания им критичности сложившейся ситуации, очевидно свидетельствующей о невозможности продолжения нормального режима хозяйствования без негативных последствий для должника и его кредиторов.

Юлия Михальчук,
советник юридической
фирмы «Савельев, Батанов
и партнеры»

В деле о привлечении директора ООО «Волгоградский завод буровой техники» к субсидиарной ответственности получила логическое развитие концепция объективного банкротства. Ее суть состоит в том, что обязанность обратиться с заявлением о признании компании банкротом возникает в момент, когда добросовестный и разумный руководитель в рамках стандартной управленческой практики должен был объективно определить наличие одного из обстоятельств, указанных в п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве.

В рассматриваемом примере директор завода ссылаясь на то, что он принимал

действенные меры по выходу из кризисной ситуации: добился выгодного мирового соглашения по судебному спору, искал инвесторов, участвовал в тендерах, сохранил трудовой коллектив, просил рассрочки по налогам и содействия профильных министерств РФ.

Суд первой инстанции посчитал, что совокупность действий директора завода свидетельствует о его добросовестности и разумности: он сделал все возможное, чтобы вывести предприятие из кризиса. Суды апелляционной и кассационной инстанций подошли к делу формально — констатировали наличие негативных финансовых показателей и привлекли директора к субсидиарной ответственности.

Верховный суд сразу указал на несколько ошибок нижестоящих судов. Во-первых, определяя момент, когда руководитель обязан обратиться с заявлением о при-

знании компании банкротом, необходимо не только принимать во внимание бухгалтерский баланс, но и оценивать совокупность иных имеющих значение фактов. Если директор принимал действенные меры по преодолению сложной экономической ситуации, то на этот период исклю-

Петр Морхат,
судья Арбитражного суда
Московской области, преподаватель
Института повышения
квалификации ФГБОУ ВО
«Московский государственный
юридический университет
им. О. Е. Кутафина (МГЮА)», к. ю. н.

Одним из действенных способов защиты прав конкурсных кредиторов является привлечение контролирующих должника лиц к имущественной ответственности. Институт ответственности контролирующих лиц направлен прежде всего на защиту интересов кредиторов должника путем реализации ряда правовых механизмов, предусмотренных в гл. III.2 Закона о банкротстве.

В соответствии с положениями Закона о банкротстве бремя доказывания отсутствия вины также возлагается на контролирующее должника лицо. В случае, когда в результате действий (бездействия) такого лица полностью погасить требования кредиторов невозможно, оно не несет субсидиарной ответственности, если докажет, что его вина в невозможности полного погашения требований кредиторов отсутствует.

Контролирующее лицо не подлежит привлечению к субсидиарной ответственности, если оно действовало согласно обычным условиям гражданского оборота, добросовестно и разумно в интересах должника, его учредителей (участников), не нарушая при этом имущественные пра-

чается применение субсидиарной ответственности.

Во-вторых, в размер такой ответственности могут включаться только требования по обязательствам, которые возникли после момента наступления объективного банкротства.

ва кредиторов, и если оно докажет, что его действия совершены для предотвращения еще большего ущерба интересам кредиторов.

В определении от 29.03.2018 по делу № А12-18544/15 Верховный суд указал, что сами по себе кратковременные и устранимые, в том числе своевременными эффективными действиями руководителя, затруднения не могут рассматриваться как безусловное доказательство необходимости обращения последнего в суд с заявлением о банкротстве.

В определении заложены принципы невиновности контролирующего лица. Верховный суд подчеркнул, что нижестоящие суды не выяснили, являлся ли план руководителя должника экономически обоснованным, до какого момента выполнение этого плана было разумным, какие причины привели к возникновению кризисной ситуации, ее развитию и переходу в стадию объективного банкротства (критический момент, когда должник стал не способен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов).

Данным определением Верховный суд стимулирует нижестоящие суды осуществлять тщательный финансовый анализ результатов деятельности должника в преддверии его несостоятельности, с тем, чтобы установить дату объективного банкротства и, соответственно, возникновения обязанности руководителя заявить о несостоятельности компании.

Незнание российского законодательства не является уважительной причиной пропуска срока исковой давности

Определение ВС от 15.05.2018 по делу № 5-КГ17-267

Факты дела. Иностранец и россиянин заключили договор займа на сумму 30 млн руб. Заемщик в установленный срок долг не вернул, однако долгое время обещал погасить заем. Полагаясь на эти обещания, заимодавец не обращался в суд. Так и не дождавшись возврата суммы, заимодавец обратился в суд с требованием взыскать с заемщика долг и проценты по договору займа, а также проценты за пользование чужими денежными средствами. Общая сумма требований составила 58,2 млн руб.

Ответчик возражал против удовлетворения исковых требований и заявил о пропуске трехлетнего срока исковой давности. Этот срок истек еще в 2013 году, а иск заимодавец предъявил лишь в 2016-м.

Истец, в свою очередь, заявил о восстановлении срока исковой давности со ссылкой на незнание норм российского гражданского законодательства.

Позиция нижестоящих судов. Суды первой и апелляционной инстанций согласились с доводами истца и удовлетворили заявленные требования. Суды восстановили пропущенный срок исковой давности. Истец не обладал юридическими познаниями в области российского законодательства в части исполнения долговых обязательств и наличия срока исковой давности. Суд также сослался на неграмотность истца.

Апелляция дополнительно указала, что ответчик неоднократно обещал истцу вернуть полученные по договору займа денежные средства, поэтому истец не считал свои права нарушенными.

Позиция ВС. Экономическая коллегия ВС согласилась, что в исключительных случаях суд может признать уважительной причину пропуска срока исковой давности по обстоятельствам, связанным с личностью истца — физического лица (п. 12 постановления Пленума ВС от 29.09.2015 № 43). Но незнание положений российского гражданского законодательства само по себе не может квалифицироваться как уважительная причина пропуска срока исковой давности. По мнению Верховного суда, это обстоятельство не носит исключительного характера и не лишает истца возможности обратиться за судебной защитой.

Верховный суд подчеркнул, что договор займа составлен на русском языке. Кроме того, истец является участником ряда юридических лиц, созданных на территории РФ, ведет предпринимательскую деятельность в России и выступает стороной ряда судебных споров. Это свидетельствует о грамотности истца и наличии у него знаний российского законодательства.

Алексей Елисеенко,
юрист корпоративной
и арбитражной практики
адвокатского бюро
«Качкин и партнеры»

ВС указал, что по смыслу ст. 205 ГК незнание положений гражданского законодательства РФ само по себе не может квалифицироваться как уважительная причина пропуска срока исковой давности, поскольку это обстоятельство не носит исключительного характера и не лишает истца возможности обратиться за судебной защитой. Дополнительным основанием для отмены судебных актов нижестоящих судов стало то, что суды первой и апелляционной инстанций, формально сославшись на неграмотность истца и признание должником долга, не указали, в чем именно выражается данная неграмотность и чем она подтверждается, а также чем подтверждаются доводы истца о действиях ответчика, свидетельствующих о признании долга.

Сергей Лазарев,
судья Арбитражного суда
Уральского округа, препода-
ватель кафедры гражданского
процесса Уральского госу-
дарственного юридического
университета, к. ю. н.

Суды, восстанавливая срок на обращение за защитой нарушенного права, исходили из того, что причина пропуска срока яв-

ляется уважительной, поскольку истец — гражданин иностранного государства находился за пределами РФ и не обладал юридическими познаниями в области российского законодательства в части исполнения долговых обязательств и наличия срока исковой давности, что существенно снижает возможность обращения в суд в установленный российским законодательством срок.

Направляя дело на новое рассмотрение, Верховный суд вскрыл логическую ошибку в выводах судов: факт иностранного гражданства и нахождения истца за пределами Российской Федерации не означает неграмотность последнего. Поскольку отсутствие грамотности является отрицательным фактом, который не может быть доказан истцом, ВС обратил внимание судов на то, что они не дали какой-либо оценки следующим доводам ответчика:

1) договор займа составлен сторонами на русском языке в соответствии с нормами гражданского законодательства РФ;

2) истец является участником созданных на территории РФ юридических лиц;

3) истец ведет предпринимательскую деятельность на территории РФ;

4) истец выступает стороной ряда судебных споров.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о грамотности истца и наличии

у него знаний российского законодательства (положительный факт).

Между тем согласно позиции Верховного суда установление факта грамотности истца не имеет значения для подобного рода дел. Требования разумности и добросовестности поведения участников гражданских правоотношений предполагают, что стороны сделки не вправе в обоснование своей позиции ссылаться на незнание правовых норм, подлежащих применению к этой сделке.

Верховный суд упрекнул суды и в том, что они бездоказательно исходили из того, что истец не полагал нарушенным свое право до начала 2016 года, основываясь на том, что должник признавал требования о возврате долга. Неопровержения должником слов истца о признании претензий недостаточно — для перерыва срока исковой давности нужны соответствующие доказательства.

Сделки по отчуждению имущества дочерним компаниям и последующему увеличению участия в них являются взаимосвязанными

Определение ВС от 30.08.2018 по делу № А40-36041/2017

Фабула дела. На общем собрании мажоритарные участники общества приняли решение о внесении всего недвижимого имущества общества в уставный капитал дочерних компаний. Впоследствии за счет внесения дополнительных вкладов в уставный капитал участники увеличили свою долю и выкупили долю общества. Данные сделки оспорил миноритарный участник общества, который не участвовал в собрании.

Позиция нижестоящих судов. Суды трех инстанций отказали в удовлетворении заявленных требований. Суды исходили из того, что о совершении оспариваемых сделок истец должен был узнать не позднее даты проведения годового общего собрания участников, однако он обратился в суд с пропуском годичного срока давности. Также суды пришли к выводу, что совер-

шенные юридические действия не являются взаимосвязанными сделками и надлежащим образом одобрены соответствующими решениями общего собрания участников общества.

Позиция ВС. Верховный суд указал, что оспариваемые истцом юридические действия совершались участниками общества последовательно и взаимосвязанно и преследовали единую хозяйственную цель — отчуждение всего недвижимого имущества общества в пользу дочерних компаний, полностью подконтрольных указанным лицам. При этом в обществе, участником которого продолжал оставаться истец, не осталось значимых активов.

Таким образом, мажоритарные участники совершили сделки в собственных интересах в обход мнения незаинтересованного участника общества, доказательств дачи согласия которого на заключение оспариваемых взаимосвязанных сделок как сделок с заинтересованностью суду не представлено.

Кроме того, ссылаясь на то, что истец о совершении оспариваемых сделок должен был узнать не позднее даты проведения годового общего собрания участников, суды не исследовали вопрос об извещении истца о времени, месте проведения указанного собрания и его повестке дня. Верховный суд также отклонил доводы судов о пропуске истцом срока исковой давности, поскольку ряд оспариваемых юридических действий совершался после проведения годового собрания и истец узнал о них лишь при рассмотрении другого судебного дела.

Игорь Вершинин,
помощник юриста
адвокатского
бюро «Линия права»

В данном деле коллегия ВС отметила, что правила ст. 45 Закона об ООО должны применяться и к взаимосвязанным сделкам. В связи с этим лицо, заинтересованное в совершении хотя бы одной из входящих в круг взаимосвязанных сделок, должно рассматриваться как лицо, заинтересованное в совершении всех взаимосвязанных сделок.

По общему правилу если устанавливается взаимосвязанность сделок, то возникает

возможность признания недействительной всей цепочки сделок по основанию нарушения порядка совершения крупной сделки или сделки с заинтересованностью.

Если не будет представлено доказательств надлежащего одобрения цепочки сделок как крупных сделок или сделок с заинтересованностью, то они могут быть оспорены на основании ст. 173.1 ГК. Для этого потребуются доказать, что сделки повлекли или могут повлечь за собой причинение убытков обществу или его участнику.

При этом достаточно сложно проверить убыточность вкладов в имущество дочерних компаний, поскольку они яв-

ляются безвозмездными и представляют собой способ финансирования деятельности общества. В данном случае ни доля участия, ни объем корпоративных прав не увеличивается.

Представляется, что при обосновании убыточности данной цепочки сделок следует указать, что:

- сделки направлены исключительно на причинение вреда имущественным интересам основного общества и истца, а также на лишение истца возможности принимать управленческие решения в отношении данного имущества и получать выгоды от его использования;
- экономическая целесообразность в их совершении отсутствует, поскольку основное общество не получило встречное

предоставление взамен отчужденного имущества.

Также следует обратить внимание, что истец оспаривал цепочку сделок по выводу активов в том числе как ничтожную на основании ст. 170 ГК. Для данного требования срок исковой давности составляет три года (п. 1 ст. 181 ГК). Следовательно, он не был пропущен на момент предъявления иска.

Позиция экономколлегии в очередной раз напоминает судам о необходимости исследовать фактические отношения и их экономическую подоплеку, а не исходить из сугубо формальных законодательных положений. Это особенно важно, когда речь идет об установлении действительной цели заключаемых сделок.

Алексей Петряев,
судья Арбитражного суда
Белгородской области

Суть выводов Верховного суда в данном деле сводится к следующему: при рассмотрении корпоративных споров, в частности при оспаривании сделок с применением норм о заинтересованности, данные нормы должны применяться и к взаимосвязанным сделкам.

В связи с этим лицо, заинтересованное в совершении хотя бы одной из входящих в круг взаимосвязанных сделок, должно рассматриваться как лицо, заинтересованное в совершении всех взаимосвязанных сделок.

Не секрет, что зачастую участники хозяйственных обществ, обладающие большинством долей в уставном капитале, по тем или иным причинам решают завладеть ликвидным имуществом юридиче-

ского лица, оставив при этом не у дел иных своих компаньонов.

При этом совершается совокупность действий по отчуждению имущества, в том числе сделок, которые, как и в рассматриваемом случае, являются убыточными для общества и нарушают интересы его участников, поскольку в результате этих действий общество и его участники лишаются основных средств и активов юридического лица.

В рассматриваемом споре Верховный суд продолжает проводить в жизнь последовательную позицию относительно необходимости оценки действий, связанных с отчуждением имущества хозяйственных обществ, с точки зрения их взаимосвязанности, последовательности совершения и направленности. Так, в данном деле сделки имели своим результатом единую хозяйственную цель — отчуждение всего недвижимого имущества общества в пользу компаний, полностью подконтрольных мажоритарным участникам общества.

Представляется, что данный подход приведет к более детальному и длительному рассмотрению судами споров, связанных с оспариванием сделок по отчуждению имущества.

При этом изложенная в анализируемом определении правовая позиция Верховного суда относительно установления

конечной цели сделок, их взаимосвязи, субъектов правоотношений, на получение которыми фактической выгоды направлены данные сделки, подлежит применению как в корпоративных, так и в гражданских спорах и особую актуальность будет иметь при оспаривании сделок в рамках процедур банкротства.

Соразмерность астрента определяется степенью сопротивления должника исполнению судебного акта, а не правилами неосновательного обогащения кредитора

Определение ВС от 05.06.2018 по делу № А40-66152/2014

Фабула дела. Суд удовлетворил требования акционеров — иностранных компаний и обязал банк предоставить информацию и заверенные копии документов. Поскольку банк в течение длительного времени не исполнял решение суда, акционеры обратились в суд с заявлением о взыскании судебной неустойки: сначала по 200 тыс. руб. за каждый календарный день просрочки, а затем — с учетом ежемесячного увеличения размера неустойки на 50 тыс. руб.

Позиция нижестоящих судов. Суд первой инстанции снизил заявленный размер неустойки исходя из трех периодов: сначала по 5 тыс. руб. в день, затем — по 10 тыс. руб., а далее — по 15 тыс. руб., с ежемесячным увеличением неустойки на 5 тыс. руб.

Апелляция взыскала неустойку в большем размере: сначала по 50 тыс. руб. в день, затем — по 100 тыс. руб., а далее — по 150 тыс. руб., с ежемесячным увеличением на 50 тыс. руб. В итоге с банка в пользу иностранных компаний была списана судебная неустойка в размере 63,3 млн руб.

Банк обратился в суд первой инстанции с заявлением о снижении размера неустойки. Суд согласился с доводами банка о том, что сумма неустойки не отвечает принципам справедливости, соразмерности и направлена на извлечение выгоды иностранными компаниями. В итоге суд снизил сумму астрента до 16,7 млн руб.

Апелляционный суд отменил определение суда первой инстанции, в удовлетворении заявления банка отказал со ссылкой на его необоснованность и неправильное применение судом норм права.

Суд округа согласился с первой инстанцией и оставил ее определение в силе. Суд указал, что завышенная сумма неустойки ведет к получению истцами необоснованной выгоды при отсутствии какого-либо правомерного интереса в исполнении судебного акта, связанного с участием в управлении делами банка, поскольку существенно уменьшилось количество принадлежащих им акций.

Позиция ВС. Коллегия подчеркнула, что в результате присуждения судебной неустойки исполнение судебного акта должно оказаться для ответчика явно более выгодным, чем его неисполнение. Судебная неустойка, в отличие от классической неустойки, несет в себе публично-правовую составляющую, поскольку является мерой ответственности на случай неисполнения судебного акта, устанавливаемой судом в целях дополнительного воздействия на должника. Размер судебной неустойки определяется судьей по своему внутреннему убеждению с учетом обстоятельств дела и исходя из принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды должником из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Суд допустил возможность снижения судебной неустойки на основании п. 2 ст. 333 ГК. Между тем, по его мнению, нижестоящие суды не мотивировали дату начала периода, с которой они посчитали возможным снизить судебную неустойку, не привели доказательств того, что взыскание неустойки именно с этой даты может привести к получению кредиторами необоснованной выгоды, а также доказательств недобросовестного поведения иностранных компаний.

Илья Тур,
советник адвокатского
бюро «Егоров, Пугинский,
Афанасьев и партнеры»

Важнейшая мысль, выраженная в определении ВС от 05.06.2018 по делу № А40-66152/2014, заключается в том, что судебная неустойка, в отличие от классической неустойки, несет в себе публично-правовую составляющую, поскольку является мерой ответственности на случай неисполнения судебного акта. Акты арбитражного

суда являются обязательными, и поэтому должна существовать санкция за их неисполнение, как стимулирующая должника к исполнению, так и поддерживающая авторитет судебной власти.

В рассматриваемом определении ВС обоснованно указал, что уже при присуждении судебной неустойки суд определяет ее размер исходя из принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды должником из своего незаконного и недобросовестного поведения, учитывает отсутствие затруднений в исполнении должником вступившего

в силу судебного акта. В связи с этим повторная оценка данных обстоятельств недопустима.

Отменяя судебные акты о снижении судебной неустойки, в которых сделан вывод о ее несоразмерности и получении истцами необоснованной выгоды, Верховный суд справедливо отметил, что соразмерность судебной неустойки определяется степенью сопротивления должника исполнению обязательства, а не правилами п. 2 ст. 333 ГК, где критерием является недопустимость необоснованного обогащения кредитора. Судебная неустойка присуждается в целях преодоления имеющегося

Петр Морхат,

судья Арбитражного суда Московской области, преподаватель Института повышения квалификации ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)», к. ю. н.

С 1 июня 2015 года действует ст. 308.3 ГК, согласно которой суд в деле по иску об исполнении обязательства в натуре по требованию истца вправе присудить в его пользу денежную сумму на случай неисполнения указанного судебного акта. Размер этой суммы суд определяет на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения.

В определении от 05.06.2018 по делу № А40-66152/14 высшая судебная инстанция развивает принцип обязательности исполнения судебного акта. Ведь согласно ч. 1 ст. 16 АПК вступившие в законную силу судебные акты арбитражного суда являются обязательными для органов государственной власти, органов местного са-

сопротивления должника и побуждения его к исполнению.

В данном деле суды, присуждая неустойку за неисполнение решения суда, установили факт неисполнения судебного акта, отсутствие затруднений в его исполнении ответчиком и при этом взыскали неустойку в размере существенно меньшем, чем испрашивали истцы. С учетом того, что Верховный суд подтвердил недопустимость пересмотра вопроса о соразмерности неустойки, на наш взгляд, было бы правильнее согласиться с постановлением апелляции, отказавшей в снижении неустойки, без направления дела на новое рассмотрение.

моуправления, иных органов, организаций, должностных лиц и граждан и подлежат исполнению на всей территории Российской Федерации.

Как указывал Конституционный суд, согласно ч. 1 и 2 ст. 6 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» вступившие в законную силу постановления федеральных судов подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации; неисполнение постановления суда, а равно иное проявление неуважения к суду влекут ответственность, предусмотренную федеральным законом (определение от 20.03.2008 № 153-О-О).

Положительная судебная практика применения судебной неустойки, выраженная данным определением ВС, подчеркивает значимость и обязательность исполнения судебного акта. Данная правовая позиция подтверждает принцип безусловного исполнения судебного акта и применения существенной гражданско-правовой ответственности в случае его неисполнения.

Споры о закупках товаров отдельными видами юридических лиц арбитрабельны, пока федеральным законом не установлено иное

Определение ВС от 11.07.2018 № А40-165680/2016

Фабула дела. Две компании заключили договор подряда в целях строительства метрополитена. Договор содержал арбитражную оговорку о разрешении всех возникающих споров в конкретном третейском суде. Подрядчик ненадлежащим образом выполнил свои обязательства по договору, поэтому заказчик обратился в третейский суд и получил решение в свою пользу. Подрядчик решение третейского суда в добровольном порядке не исполнил, поэтому заказчику пришлось обратиться в арбитражный суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение данного решения.

Позиция нижестоящих судов. Суд первой инстанции удовлетворил требования заказчика, поскольку не нашел оснований для отказа в выдаче исполнительного листа.

Суд округа счел, что стороны договора не относятся к юридическим лицам, указанным в нормах Закона № 223-ФЗ. В связи с этим данный договор не является договором, заключенным в публичных интересах, а спор между сторонами мог быть предметом третейского разбирательства. Следовательно, решение третейского суда не нарушает публичный порядок РФ.

Позиция ВС. Суд указал, что при закупках в рамках Закона № 223-ФЗ стороны таких отношений выступают как юридически равноправные. Никакая сторона не наделена властными полномочиями по отношению к другой стороне, что свидетельствует о гражданско-правовом характере отношений.

Возможность разрешения гражданско-правовых споров с помощью третейского разбирательства закреплена в гражданском законодательстве. Ряд категорий споров, осложненных публичным элементом, законодатель действительно относит к неарбитрабельным. Однако в отсутствие прямого закрепления такого ограничения диспозитивный характер гражданско-правовых отношений не предполагает иных ограничений для участников гражданского оборота.

Споры, возникающие из отношений, регулируемых законодательством о закупках товаров отдельными видами юридических лиц, в перечне неарбитрабельных не указаны. Следовательно, к таким отношениям применимы общие нормы об арбитрабельности гражданско-правовых споров, пока федеральным законом не установлено иное.

Егор Косарев,
директор юридического департа-
мента ЗАО «Инсистемс»,
ассоциированный арбитр
Арбитражного центра
при Российском союзе промыш-
ленников и предпринимателей

Верховный суд высказал позицию, согласно которой споры из договоров, заключенных на основании Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее — Закон № 223-ФЗ), являются арбитрабельными, то есть могут передаваться на рассмотрение третейского суда (арбитража).

До указанного определения однозначности в данном вопросе не было. Одни суды считали, что подобные споры не могут быть предметом третейского разбирательства по причине наличия во взаимоотношениях сторон определенного публично-го элемента и общественной значимости договора, заключенного в рамках Закона № 223-ФЗ (постановления АС Московского округа от 04.12.2014 по делу № А40-104344/2014, АС Северо-Западного округа от 01.10.2014 по делу № А21-2236/2014, ФАС Уральского округа от 17.06.2014 по делу № А50П-36/2014). Обратная по-

Сергей Лазарев,
судья Арбитражного суда
Уральского округа, препода-
ватель кафедры гражданского
процесса Уральского госу-
дарственного юридического
университета, к. ю. н.

Рассматривая дело о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, суды первой и кассационной инстанций исходили из того, что стороны догово-

решения судов, признававших арбитрабельность подобных споров, строилась на принципе свободы договора и возможности сторон спора самостоятельно определять способ разрешения возникшего конфликта; какой-либо публичной значимости в договорных отношениях сторон суды не усматривали (постановления АС Московского округа от 07.08.2015 по делу № А40-22961/2015, от 16.10.2014 по делу № А40-97121/2014).

В определении от 11.07.2018 № 305-ЭС17-7240 ВС отметил, что поскольку стороны договора, заключенного в рамках Закона № 223-ФЗ, не являются какими-либо специальными субъектами общественных отношений, сам договор не преследует какого-либо публичного интереса, а положения закона не содержат прямого запрета на передачу подобных споров на рассмотрение третейского суда, то такие споры являются арбитрабельными.

Представляется, что данное определение положит начало отходу от концепции «концентрации общественно значимых публичных элементов в правоотношении» и приведет к активному распространению третейского разбирательства в спорах, вытекающих из договоров, заключенных на основании Закона № 223-ФЗ.

ра не относится к юридическим лицам, указанным в ч. 2 ст. 1 Закона № 223-ФЗ. Соответственно, данный договор не является договором, заключенным в публичных интересах, а спор между сторонами может быть предметом третейского разбирательства.

СКЭС ВС, напротив, признала, что договор заключен в соответствии с Законом № 223-ФЗ в публичных интересах (особый характер отношений), а также учла, что заказчиком по договору выступает общество,

100 процентов акций которого принадлежат городу Москве (специальный субъект).

Именно иная оценка обстоятельств обусловила постановку вопроса об арбитрабельности спора, возникшего из отношений, регулируемых нормами Закона № 223-ФЗ. В итоге коллегия оставила судебные акты без изменения, учитывая следующие факторы:

- рассматриваемый спор является гражданско-правовым;
- законодатель не предусматривает правила о неарбитрабельности споров из договоров, заключенных в результате закупки товаров отдельными видами юридических лиц;
- отсутствуют доказательства нарушения элементов публичного порядка.

Значение комментируемого определения для практики состоит в изложении алгоритма действий суда при оценке арбитрабельности спора, осложненного публичным элементом:

- 1) определить характер соответствующих отношений (публичные или частные);
- 2) если отношения носят гражданско-правовой характер, то следует установить наличие осложнения публичным элементом;
- 3) при наличии такового следует установить позицию (волю) законодателя относительно арбитрабельности спора;
- 4) определить, не нарушается ли публичный порядок в результате разрешения соответствующего спора третейским судом ●

Когда потребитель не прав: как снизить или отменить штрафы

Читайте в декабрьском номере журнала
«Российский налоговый курьер»

Быстрая подписка: 8 (800) 550 15 57

Реклама